

УДК 821. 161.1

В.В. Огородова**МИФОЛОГЕМА ПУТНИК / СТРАННИК В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «КАЗАКИ»**

Статья посвящена исследованию функций мифопоэтических образов и мотивов в поэтике повести Л.Н. Толстого «Казачество». Центральным объектом исследования является мифологема Путник / Странник, определяющая логику судьбы главного героя повести Дмитрия Оленина, а также доминантные психологические и духовно-нравственные черты его характера. Первообразы Путника и Странника дифференцированы как два разных инварианта, так как их содержание имеет ряд схожих черт, но полностью не идентично. В сюжетно-смысловых контекстах «Казачества» диада Путник / Странник интерпретируется как мифологема, выполняющая функции архетипического ядра в структуре образа главного героя произведения. Анализ сюжетно-событийной логики биографии Оленина обнаруживает, что жизненный и духовный путь героя определяется типологически знаковой для Толстого «моделью странничества», предполагающей ряд этапов. Исследование приводит к выводу, что в изображении Толстого Оленин представлен как вечный Странник, чей путь оказывается принципиально незавершимым.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, повесть «Казачество», мифологема Путник / Странник, архетип, инвариант, парадигма, сюжет, художественная система.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-812-818

Несмотря на то что в понимании массового читателя Л.Н. Толстой предстает прежде всего писателем-реалистом, художественный мир его произведений так многогранен, что позволяет реконструировать его не только в сугубо реалистическом плане, но и с точки зрения символично-мифологических принципов изображения. Мифопоэтические аспекты творчества Толстого входят в поле зрения многих исследователей, среди наиболее известных – работы О.Б. Пановой [11], Е.Ю. Полтавец [12], К.А. Нагиной [10], Г.М. Ибатуллиной [4-6] и др. Публикации, в которых рассматриваются мифопоэтические контексты повести «Казачество», не столь многочисленны: здесь можно выделить главы в монографии К.А. Нагиной [10], С.М. Телегина [14], – поэтому ряд проблем, связанных с данной парадигмой, требует дальнейшего обстоятельного изучения, что определяет актуальность нашего исследования. (Отметим, что круг работ, посвященных другим проблемам изучения повести «Казачество», достаточно широк, так, например, анализ этнокультурной специфики изображенного в произведении мира казачества можно найти в диссертациях Л.И. Гаджиевой [2], О.М. Убушаевой [16], И.Л. Багратион-Мухранели [1] и др.).

Феномен странничества в художественном мире Л.Н. Толстого уже привлекал внимание исследователей, так, он развернуто рассматривается в статьях и диссертации Е.В. Фаленковой (Е.В. Лебедевой): [9; 17; 18] – однако взгляд исследователя сосредоточен прежде всего на философско-культурологических, а не литературоведческих аспектах данной проблематики (в соответствии со специализацией автора работ). Мифологема Пути и связанный с ней архетип Путника / Странника, их функции в поэтике «Казачества» в сегодняшнем толстоведении остаются практически не изученными, хотя параллели между главным героем повести Дмитрием Олениным и названными первообразами вполне очевидны. Следует отметить, что, в отличие от некоторых других исследований, в данной работе мы дифференцируем первообразы Путника и Странника как два разных феномена, в нашей интерпретации это два инварианта в рамках одной архетипической парадигмы, поскольку их содержание во многом пересекается, но не является полностью идентичным. При этом мы имеем в виду, что в литературно-культурной традиции в рамках данной парадигмы существуют и иные архетипические смысловые инварианты, интерпретирующиеся по-разному: Путник / Странник: Искатель / Бродяга / Паломник / Отшельник. В структуре образа Дмитрия Оленина мы обнаруживаем мотивы, связанные в той или иной степени со всеми названными инвариантами: они существуют и функционируют в отношениях диалогических взаимоотражений, в ситуации, которую Г.М. Ибатуллина определяет как принцип художественной рефлексии (см. об этом: [3]). Однако, на наш взгляд, доминантной является интегрирующая их смысловая диада Путник / Странник, так как она наиболее адекватно отражает семантические оттенки, определяющие характер Оленина, и в своем двуединстве функционирует в поэтике «Казачества» на правах сюжетобразующей мифологемы.

Обозначенные первообразы, включая и центральную диаду, с содержательной точки зрения – литературоведческой, культурологической, психологической – в научной литературе системно не дефинированы, хотя в качестве архетипических номинаций используются довольно часто. Характеризуя выделенные инвариантные составляющие в образе Оленина, мы будем опираться на контекстные описания данных архетипических начал в литературных, культурных и собственно научных текстах, см., например: [7; 13; 18].

Отметим наиболее существенные различия в смысловом наполнении образов Путника и Странника. Архетип Путника, актуализированный и в целом ряде литературных произведений, и в общекультурологическом сознании, как правило, предполагает путешествующего человека, имеющего определенную цель, тогда как Странник «странствует» без цели, движется интуитивно, пребывая в созерцательном состоянии. Вместе с тем, несмотря на то что у Странника нет конкретной «пространственной» цели, высшая духовная цель у него все же есть. Внутреннюю антиномию мифологема Путник / Странник мы обнаруживаем и в Оленине: на первый взгляд, он кажется Странником, действующим по наитию и пребывающим в бесконечных поисках неясной ему самому высшей истины. Как Странник Оленин абсолютно свободен: «Для него не было никаких ни физических, ни моральных оков; он все мог сделать, и ничего ему не нужно было, и ничто его не связывало. У него не было ни семьи, ни отечества, ни веры, ни нужды. Он ни во что не верил и ничего не признавал» [15. С. 8]. Однако, с другой стороны, все эти поиски все же имеют и вполне определенную, конкретную жизненную цель – обретение «счастья», что может быть соотнесено с образом Путника: «Уезжая из Москвы, он находился в том состоянии, молодом настроении духа, когда, сознав прежние ошибки, юноша вдруг скажет себе, что все это было не то, – что все прежнее было случайно и незначительно, что он прежде не хотел жить хорошенько, но что теперь, с выездом его из Москвы, начинается новая жизнь, в которой не будет больше тех ошибок, не будет раскаяния, а на верное будет одно счастье» [15. С. 8].

Объединяющим началом в диаде Путник / Странник является, безусловно, хронотоп Пути / Дороги. И фабульная, фактическая логика биографии Оленина, и смысловая логика его жизни в целом тождественны логике Пути: Оленину присущи те же самые состояния и душевное мироощущение, что испытывает пребывающий в дороге Путник / Странник. Как правило, эти состояния противоречивы и влекут за собой целый спектр чувств: с позитивной стороны – это ощущение свободы, обновления, созерцания, что, в свою очередь, расширяет границы сознания, дает возможность использовать нестандартные подходы к жизни, импровизировать, творить и таким образом выражать индивидуальность. В другом аспекте, с отрицательной позиции – одиночество, уязвимость, стихийность, беспечность, непостоянство, неуверенность. В изображении Толстого в биографии, личности и сознании Оленина удивительно точно проявлены проекции указанного «дорожного» архетипа. Уже в первых эпизодах произведения мы видим, что Оленин покидает привычную сферу жизни и отправляется путешествовать. С одной стороны, мотив путешествия здесь непосредственно связан с фабульной ситуацией – с конкретными фактами и событиями биографии героя. С другой стороны, на сюжетном уровне, архетип Пути здесь можно интерпретировать более глубоко: Оленин находится в поисках самого себя, в поисках неведомого «счастья», внутренней целостности, познания собственной сущности. «Он долго раздумывал над тем, куда положить всю эту силу молодости, только раз в жизни бывающую в человеке, – на искусство ли, на науку ли, на любовь ли к женщине или на практическую деятельность, – не силу ума, сердца, образования, а тот не повторяющийся порыв, ту на один раз данную человеку власть сделать из себя все, что он хочет, и, как ему кажется, и из всего мира все, что ему хочется» [15. С. 8].

В работе Е.В. Фаленковой «"Стратегия пути" странника как модель духовного развития человека в творчестве позднего Л.Н. Толстого» [17] описывается «модель странничества» в произведениях писателя: по словам исследователя, Толстой выделяет три этапа пути, каждый из которых обязателен и ведет к духовному восхождению героя. (Отметим, что ранее о подобной логике пути толстовских героев писал К.А. Кедров в статье «"Уход" и "воскресение" героев Толстого», где одним из первых рассмотрел ситуацию ухода в творчестве писателя [8]). Е.В. Фаленкова в указанной работе не обращается к анализу «Казак», однако, на наш взгляд, предложенная ею схема может быть отчетливо соотнесена с сюжетом судьбы Оленина.

Первый этап этой модели – «уход», «падение» – отражает неприятие героем окружающей действительности, тупиковость его бытия, потерю смысла жизни. Действительно, сюжетная завязка повести связана с описанной ситуацией: Оленин запутался в своих исканиях, ему надоела светская суе-

та, случайные романы, необременительные отношения и разгульная жизнь. В Москве он в основном видел людей себе подобных, отягощенных страстями и подгоняемых суетой. Он прожигал свою жизнь, «творил», что хотел, совершал ошибки, но в глубине души всегда чувствовал, что он *выше* этого и поступает неправильно (курсивы здесь и далее принадлежат автору статьи, жирный шрифт – цитируемым авторам).

Второй этап духовного восхождения – «преображение» – характеризуется тем, что герой начинает поиск путей выхода из кризисной ситуации. «Неужели я нравственный урод?» – задается вопросом Оленин [15. С. 9]. Он пока незрел, неспособен любить, и относится ко всем окружающим явлениям без особого интереса, он ни к чему не привязан, у него нет ни дома, ни семьи. Он постоянно рефлексит, погружен в непрерывный самоанализ и внутренний диалог с самим собой, пытаясь разобраться в перипетиях собственной жизни. Правда, сам герой осознает, что далеко не всегда эти попытки оканчиваются успехом: иногда это происходит вследствие недостатка опыта, иногда – из-за нехватки терпения. «Все остается что-то недоконченное» [15. С. 5] – с раздражением и отчаянием отмечает он... «Напутал, напутал я себе в жизни...» [Там же]. Вспомним, что Оленин «увлекался постоянно», каких бы аспектов жизни это ни касалось: любви, развлечений, службы или светской жизни. «Но отдавался он всем своим увлечениям лишь настолько, насколько они не связывали его. Как только, отдавшись одному стремлению, он начинал чувствовать приближение труда и борьбы, мелочной борьбы с жизнью, он инстинктивно торопился оторваться от чувства или дела и восстановить свою свободу» [15. С. 8]. Это происходило потому, что Оленин был слишком стихийной, увлекающейся натурой. Он постоянно переходил в различные душевные состояния, проживая их весьма искренне. Но как только это вдохновение исчезало, и появлялась привычка, интерес исчезал, и он испытывал скуку. То, что вдохновляло еще вчера, безвозвратно терялось... Если бы Оленин был неглубокой, поверхностной натурой, его бы это обстоятельство ничуть не смущало. Он же, напротив, слишком долго и ответственно раздумывал над тем, что просто «он прежде не хотел жить хорошенько» [15. С. 8], что теперь будет все по-другому, и что когда он возьмется за ум и разбогатеет, «нехорошо будет воспользоваться одному этим богатством» [15. С. 12].

Оленин нередко пребывал в растерянности, поскольку интуитивно ощущал свое отличие от других людей. Он словно боится потерять часть себя, отдавшись чему-то надолго, он чужд этому миру, все это «невольная ложь» [15. С. 4]. У него, как мы уже говорили, нет ни четкого ориентира, ни привязанностей, он – Странник / Путник, набирающийся опыта. Отношение самого героя к подобной ситуации двойственно: с одной стороны, Оленину легко и радостно начинать в очередной раз «с чистого листа», с другой – появляется ощущение утраты и неполноты. В самом начале его пути складывается ситуация, когда пострадавший Оленин начинает «новую жизнь» и находится в состоянии эмоционального предвкушения. Окрыленный, сияющий, искренний, он радостно движется к новым мечтам: «...начинается новая жизнь...» [15. С. 5]. В то же время герой признается: «Мне и грустно, и рад я, что еду... Отчего грустно, я не знаю» [Там же].

Третий этап – «воскресение» – интерпретируется как обретение героем смысла жизни и внутренней свободы. «Воскресение для Л.Н. Толстого – это обретение духовной свободы, завершающее духовный поиск, освящение ума светом Истины, познание своей духовной сущности, смысла своего земного предназначения. Воскресшая душа подлинно свободна потому, что человек приносит себя в жертву ради других и способен бескорыстно служить высшим идеалам», – так характеризует данный этап Е.В. Фаленкова [17. С. 23]. Душа Оленина воскресла, когда он понял, что может любить. Если ранее он полагал, что все происходящее с ним было «не то», то после встречи с Марьяной он вдруг почувствовал, что наконец нашел свой идеал. Уже при первом знакомстве Марьяна произвела на Оленина колоссальное впечатление: «Оленин увидел в полусвете всю высокую и стройную фигуру молодой казачки. С быстрым и жадным любопытством молодости он невольно заметил сильные и девственные формы, обозначившиеся под тонкою ситцевой рубахой, и прекрасные черные глаза, с детским ужасом и диким любопытством устремленные на него» [15. С. 41]. Дистанцированность «образа» Марьяны, ее сила, «инаковость», ее отрешенность – все с умноженной энергией подхлестывает фантазию Оленина и порождает в нем бурю эмоций и чувств. Примечательно, что подобным образом Оленина вдохновляли горы, а высокий, уверенный стан Марьяны ассоциировался у него с горой. Постепенно присутствие Марьяны становилось необходимым, как воздух, встречи с ней были источником вдохновения и силы, чтобы жить: «Он ничего не искал, не желал от нее, а с каждым днем ее присутствие становилось для него все более и более необходимостью» [15. С. 101]; «...он одинако-

во боялся потерять хоть одно из ее движений. Его радовало видеть, как свободно и грациозно сгибался ее стан, как розовая рубашка, составлявшая всю ее одежду, драпировалась на груди и вдоль стройных ног; как выпрямлялся ее стан и под ее стянутой рубашкой твердо обозначались черты дышащей груди; как узкая ступня, обутая в красные старые черевички, не переменяя формы, становилась на землю; как сильные руки, с засученными рукавами, напрягая мускулы, будто сердито бросали лопатой, и как глубокие черные глаза взглядывали иногда на него» [15. С. 92].

Переживаемое Олениным состояние было, безусловно, далеко от простого вожделения, оно похоже на своеобразное сакральное таинство. Сам Оленин впоследствии признается, что ищет в женщине нечто большее, чем красоту: «...я совсем другого ищу, другое вижу в них, чем вы» [15. С. 93]. Это «другое» – способность увлечь и вдохновить – Оленин обрел в Марьяне, ощущая ее одноприродность и внутреннее родство. С одной стороны, Оленина непреодолимо тянуло к Марьяне как к своего рода родственной душе: она «питала» его мысли, служила своеобразным естественным «фоном» его жизни. Оленин внутренне «успокаивался», чувствовал, что он не одинок. С другой стороны, если бы брак Оленина и Марьяны состоялся, нельзя было бы с уверенностью предсказать благополучный его исход. Во-первых, Марьяна потеряла бы для героя статус «богини», так как стала бы гораздо «доступнее», чем прежде. А во-вторых, сам Оленин потерял бы статус Странника, так как перестал бы вести поиски и застыл на месте, что совершенно чуждо его стихийной натуре и противоречит его естеству. Казалось, конфликт неизбежен, но он благополучно разрешается: происходит окончательный разрыв и Оленин покидает станицу. Герой вновь свободен, одинок и готов отправиться в дорогу; Странник / Путник в очередной раз оказывается «на Пути», унося с собой багаж разнообразных эмоций, горечь утраты и обретенный жизненный и нравственный опыт. На данном этапе герой возвращается к исходной точке своего существования: он вновь покидает привычное место и находится в свободном поиске «счастья». На первый взгляд, цикл завершен, и Оленин вновь пришел к отправному пункту, однако личностно он представляет собой уже нечто иное, чем раньше. Это человек, прошедший испытания и вышедший из них с определенным духовным багажом, он многое познал в себе и обрел целостность, внутренний остов, ценностную основу.

Открытие новых возможностей к самоопределению и самореализации, приобретение духовной опоры – вот те итоги, которые обретает Оленин, однако в логике изображения Толстого это также не окончательный результат, а следующая отправная точка в дальнейшем развитии героя, еще одна веха на его Пути. Подобная концепция духовной биографии героя, по словам Г.М. Ибатуллиной, является универсальной для Толстого и характерна не только для «Казак», она воплощена также в ряде других произведений писателя, в том числе, например, в романе «Война и мир», и связана с мистериальным сюжетом: «Причастность биографического ряда событий к вечному потоку становящейся жизни превращает биографию толстовского героя в мистериально воплощенную судьбу», – пишет исследователь [5. С. 50]. «Там, где индивидуальная биография человека, разворачивающаяся во времени, в событийной истории его жизни, пересекается с провиденциально заданным мифом судьбы, судьба приобретает не просто сакральный, но и мистериальный рисунок. Поэтому путь реализации духовно-личностного идеала, имеющего сакрально-этический характер, в биографиях толстовских героев превращает логику их «духовных исканий» не просто в мифологизированный сюжет инициации как обретений в результате этих исканий, но в логику мистериально понимаемой судьбы как принципиально незавершаемого становления, ведь смысл таким образом понимаемой судьбы – не в ее финале, а в ее движении, в самих исканиях. Драматические перипетии этих «путей» и «исканий» и интересуют в первую очередь Толстого-художника» [5. С. 40].

Итак, анализ сюжетно-событийных контекстов повести приводит к выводу, что образ Оленина представлен Толстым как отчетливое воплощение архетипов Странника и Путника в виде двух взаимосвязанных инвариантов – и в прямом, и в метафорическом планах интерпретации событий. Духовная и жизненная биография героя эксплицируется как выражение мифологеми Пути: жизнь Оленина строится в соответствии с логикой модели странничества, у которого нет цели «внешней», но есть цель внутренняя – обретение личностной целостности и переход на новую ступень духовной эволюции. Подобная схема естественным образом соотносится с логикой архетипических сюжетов инициации и мистериальных Посвящений, значимых для многих героев Л.Н. Толстого (см.: [4-6]), однако развернутый анализ этих параллелей не входит в задачи данной статьи и остается перспективой дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багратион-Мухранели И.Л. Формирование мотивной структуры мифа о Грузии и Кавказе в русской литературе XIX – начала XX века: дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2018. 390 с.
2. Гаджиева Л.И. Мир казачества в изображении Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, М.А. Шолохова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 23 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/mir-kazachestva-v-izobrazhenii-nv-gogolya-ln-tolstogo-ma-sholokhova#ixzz5h0Pz79Be> (дата обращения: 19.02.2019).
3. Ибатуллина Г.М. «Магический кристалл»: рефлексия в поэтике художественного текста. Монография. Гамбург: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 450 с.
4. Ибатуллина Г.М., Булина Е.В. Архетипические модели и их смыслопорождающие функции в поэтике романа Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2014. Вып. 4. С. 7-16.
5. Ибатуллина Г.М. Мистериальные миры в русской литературе XIX–XX веков: Монография. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. 107 с.
6. Ибатуллина Г.М. Архетип Психеи в структуре образа Наташи Ростовской (по роману Л.Н. Толстого «Война и мир») // Современные научные исследования и разработки. Электронный научный журнал. 2017. № 9 (17). С. 179-184. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32308324> (дата обращения: 19.02.2019).
7. Ильин С.С. О концепте странник в истории русской культуры // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». Электронный журнал. 2012. № 11 (91). С. 38 // [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-kontsepte-strannik-v-istorii-russkoy-kultury-1> (дата обращения: 19.02.2019).
8. Кедров К.А. «Уход» и «воскресение» героев Толстого // В мире Толстого. М.: Советский писатель, 1978 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/2502406/post178239916/> (дата обращения: 19.02.2019).
9. Лебедева Е.В. Образ странника, мудреца и мятежника в повести Л.Н. Толстого «Записки покойного старца Федора Кузмича» // Малые жанры: Теория и история: Сб. науч. ст. Иваново: Ивановский государственный университет, 2007. С. 199-206.
10. Нагина К.А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Толстого. Воронеж: ООО ИПЦ «Научная книга», 2012. 443 с.
11. Панова О.Б. Язык символов эпоса Л.Н. Толстого (Небо, земля, дверь, круг) // Язык и культура [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/yazyk-simvolov-eposa-l-n-tolstogo-nebo-zemlya-dver-krug> (дата обращения: 19.02.2019).
12. Полтавец Е.Ю. Мифопоэтика «Войны и мира» Л.Н. Толстого. М.: Ленанд, 2015. 213 с.
13. Плохарская М.А. Концепт «Путь» в повести Л.Н. Толстого «Казачи» // Известия ДГПУ: электронный журнал. 2008. № 2 [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kontsept-put-v-povesti-l-n-tolstogo-kazaki> (дата обращения: 11.03.2019).
14. Телегин С.М. Мифологемы – семена образов («Казачи» Л.Н. Толстого) // Телегин С.М. Литература и мифологическая революция. Монография. Гамбург: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 592 с.
15. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / Под общ. ред. В.Г. Черткова. Т. 6. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1936. 316 с.
16. Убушаева О.М. Кавказские источники в раннем творчестве Л.Н. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 18 с.
17. Фаленкова Е.В. «Стратегия пути» странника как модель духовного развития человека в творчестве позднего Л.Н. Толстого // Вестн. ВолГУ: электронный журнал. 2014. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://psst.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/44-vestnik-volgu-seriya-7-filosofiya-sotsiologiya-i-sotsialnye> (дата обращения: 19.02.2019).
18. Фаленкова Е.В. Феномен странничества в русской культуре: на материале творчества Л.Н. Толстого: автореф. дис. ... канд. филос. наук: Тюмень, 2013. 24 с.

Поступила в редакцию 12.07.2019

Огородова Вероника Владимировна, аспирант
Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»
453103, Россия, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49
E-mail: vogorodova@mail.ru

V.V. Ogorodova

**THE MYTHOLOGHEME TRAVELLER / WANDERER IN THE NOVEL BY L.N. TOLSTOY
"THE COSSACKS"**

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-812-818

The article is devoted to the study of the functions of mythopoetic images and motives in the poetics of the novel by L.N. Tolstoy "The Cossacks". The central object of the study is the mythologheme Traveller / Wanderer, which deter-

mines the logic of the fate of the protagonist of the story Dmitriy Olenin, as well as the dominant psychological, spiritual and moral traits of his character. The archetypes of the Traveller and the Wanderer are differentiated as two various invariants, since their content has a number of similar features, but is not completely identical. In the plot-semantic contexts of "The Cossacks", the dyad Traveller / Wanderer is interpreted as a mythologeme, performing the functions of an archetypal core in the image structure of the main character of the work. The analysis of the plot-event logic of Olenin's biography reveals that the hero's life and spiritual path is determined typologically by Tolstoy's "wandering model", which involves a number of stages. The study leads to the conclusion that in the image of Tolstoy Olenin is presented as an eternal Wanderer, whose path turns out to be fundamentally incomplete.

Keywords: L.N. Tolstoy, novel "The Cossacks", mythologeme Traveller / Wanderer, archetype, invariant, paradigm, plot, art system.

REFERENCES

1. Bagration-Muxraneli I.L. Formirovanie motivnoj struktury` mifa o Gruzii i Kavkaze v russkoj literature XIX – nachala XX veka [Formation of the motivic structure of the myth about Georgia and the Caucasus in Russian literature of the XIX - early XX century]: Dis. ... d. filol. nauk. Izhevsk, 2018. 390 s. (In Russian).
2. Gadzhieva L.I. Mir kazachestva v izobrazhenii N.V. Gogolya, L.N. Tolstogo, M.A. Sholoxova [The world of the Cossacks in the image of N.V. Gogol, L.N. Tolstoy, M.A. Sholokhov]: Avtoref. dis. ... k. filol. Nauk . M., 2007. 23 s. // [E`lektronny`j resurs]: URL: <http://www.dissercat.com/content/mir-kazachestva-v-izobrazhenii-nv-gogolya-ln-tolstogo-ma-sholokhova#ixzz5h0Pz79Be> (data obrashheniya: 19.02.2019). (In Russian).
3. Ibatullina G.M. «Magicheskij kristall»: refleksiya v poe`tike xudozhestvennogo teksta ["Magic Crystal": reflection in the poetics of artistic text]. Monografiya. Gamburg: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 450 s. (In Russian).
4. Ibatullina G.M., Bulina E.V. Arxetipicheskie modeli i ix smy`sloporozhdayushhie funkcii v poe`tike ro-mana L.N. Tolstogo «Vojna i mir» [Archetypal models and their sense-generating functions in the poetics of the novel by L.N. Tolstoy "War and Peace"] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya» [Bulletin of Udmurt University]. 2014. № 4. S. 7-16. (In Russian).
5. Ibatullina G.M. Misterial`ny`e miry` v russkoj literature XIX – XX vekov [Mystery worlds in Russian literature of XIX – XX centuries]: Monografiya. Sterlitamak: Sterlitamakskij filial BashGU, 2018. 107 s. (In Russian).
6. Ibatullina G.M. Arxetip Psixei v strukture obraza Natashi Rostovoj (po romanu L.N. Tolstogo «Vojna i mir») [The archetype of Psyche in the structure of the image of Natasha Rostova (after the novel by Leo Tolstoy "War and Peace")] // Sovremennyy`e nauchny`e issledovaniya i razrabotki. E`lektronny`j nauchny`j zhurnal [Modern scientific research and development. Electronic scientific journal]. 2017. № 9 (17). S. 179-184 // [E`lektronny`j resurs]: URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32308324> (data obrashheniya: 19.02.2019). (In Russian).
7. Il`in S.S. O koncepte strannik v istorii russkoj kul`tury` [About the concept wanderer in the history of Russian culture] // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Socio-logiya. Iskusstvovedenie». E`lektronny`j zhurnal [Bulletin of the RSUH. Series "Philosophy. Sociology". Art History. Electronic journal]. 2012. № 11 (91). S. 38 // [E`lektronny`j resurs]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-kontsepte-strannik-v-istorii-russkoy-kultury-1> (data obrashheniya: 19.02.2019). (In Russian).
8. Kedrov K.A. «Uxod» i «voskresenie» geroev Tolstogo ["Care" and "resurrection" of the heroes of Tolstoy] // V mire Tolstogo [In the world of Tolstoy]. M.: Sovetskij pisatel`, 1978 // [E`lektronny`j resurs]: URL: <https://www.liveinternet.ru/users/2502406/post178239916/> (data obrashheniya: 19.02.2019). (In Russian).
9. Lebedeva E.V. Obraz strannika, mudrecza i myatezhnika v povesti L.N. Tolstogo «Zapiski pokojnogo starca Fedora Kuzmicha» [The image of a wanderer, sage and rebel in the story L.N. Tolstoy "Notes of the late elder Fyodor Kuzmich"] // Maly`e zhanry`: Teoriya i istoriya: Sb. nauch. st. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvenny`j universitet [Small genres: Theory and history: Sat. scientific Art. - Ivanovo: Ivanovo State University], 2007. S. 199-206. (In Russian).
10. Nagina K.A. Prostranstvenny`e universalii i xarakterologicheskie kollizii v tvorchestve L. Tolstogo [Spatial universals and characterological collisions in the works of L. Tolstoy]. Voronezh: OOO IPCz «Nauchnaya kniga», 2012. 443 s. (In Russian).
11. Panova O.B. Yazy`k simvolov e`posa L.N. Tolstogo (Nebo, zemlya, dver`, krug) [The language of the symbols of the epos L.N. Tolstoy (Sky, Earth, Door, Circle)] // Yazy`k i kul`tura [Language and Culture] // [E`lektronny`j resurs]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/yazyk-simvolov-eposa-l-n-tolstogo-nebo-zemlya-dver-krug> (data obrashheniya: 19.02.2019). (In Russian).
12. Poltavec E.Yu. Mifopoe`tika «Vojny` i mira» L.N. Tolstogo [Mythopoetics "War and Peace" L.N. Tolstoy]. M.: Lenand, 2015. 213 s. (In Russian).
13. Ploxarskaya M.A. Koncept «Put`» v povesti L.N. Tolstogo «Kazaki» [The concept of "Path" in the story of L.N. Tolstoy "Cossacks"] // Izvestiya DGPU: e`lektronny`j zhurnal [Proceedings of the DGPU: electronic journal].

2008. № 2 // [E'lektronny'j resurs]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kontsept-put-v-povesti-l-n-tolstogo-kazaki> (data obrashheniya: 11.03.2019). (In Russian).
14. Telegin S.M. Mifologemy` – semena obrazov («Kazaki» L.N. Tolstogo) [Mythologems - the seeds of images (“Cossacks” by LN Tolstoy)] // Telegin S.M. Literatura i mi-fologicheskaya revolyuciya. Monografiya [Literature and mythological revolution. Monograph]. Gamburg: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 592 s. (In Russian).
  15. Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij. V 90 t. / Pod obshh. red. V.G. Chertkova [Full composition of writings. In 90 t. / Under total. ed. V.G. Chertkova]. T. 6. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Xudozhestvennaya literatura», 1936. 316 s. (In Russian).
  16. Ubushaeva O.M. Kavkazskie istochniki v rannem tvorchestve L.N. Tolstogo [Caucasian sources in the early works of L.N. Tolstoy]: Avtoref. dis. ... k. filol. nauk [Author. dis. ... k. Filol. Sciences]. M., 2008. 18 s. (In Russian).
  17. Falenkova E.V. «Strategiya puti» strannika kak model' duxovnogo razvitiya cheloveka v tvorchestve pozdne-go L.N. Tolstogo [“The strategy of the way” of a wanderer as a model of a person's spiritual development in the works of the late L.N. Tolstoy] // [E'lektronny'j resurs]: Vestnik VolGU: e'lektronny'j zhurnal [Bulletin of VolSU: electronic journal]. 2014. № 2. URL: [http:// https://psst.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/44-vestnik-volgu-seriya-7-filosofiya-sotsiologiya-i-sotsialnye](http://https://psst.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/44-vestnik-volgu-seriya-7-filosofiya-sotsiologiya-i-sotsialnye) (data obrashheniya: 19.02.2019). (In Russian).
  18. Falenkova E.V. Fenomen strannichestva v russkoj kul'ture: na materiale tvorchestva L.N. Tolstogo [The phenomenon of wandering in Russian culture: on the material of the works of L.N. Tolstoy]: Avtoref. dis. ... k. filos. nauk [Author. dis. ... k. Philos. Sciences]: Tyumen', 2013. 24 s. (In Russian).

Received 12.07.2019

Ogorodova V.V., postgraduate student
Sterlitamak branch of Bashkir State University
49, Prospect Lenina, Sterlitamak, Russia, 450103
E-mail: vogorodova@mail